

Учительница попросила Фроста прочитать стихотворение. Он прочел несколько строк из “Пастбища”. Ребята, по-видимому, ничего не поняли, и настойчивые попытки учительницы объяснить, что говорится в этих строках, — попытки, которые Фрост разгадал без перевода, только ухудшили дело. Фрост вдруг почувствовал сильную усталость от бесплодных усилий и предложил уйти. Он вежливо простился с классом и учительницей, надел шляпу и, закутавшись в плащ, вышел к машине.

”По-моему, это была бессмысленная затея”, — сказал Фрост. Нам оставалось только согласиться. Русские потом сказали, что была допущена ошибка при выборе школы, но поездка все равно оставила гнетущее впечатление. Из-за нее Фрост почувствовал себя в еще большей изоляции, почувствовал себя находящимся еще дальше от главной цели — встречи с Хрущевым. Ведь если, думал Фрост, ему придется тратить все время на болтовню со школьниками, которые почти не знают английского, он никогда не попадет на юг, где находится сейчас Хрущев. А сам юг пока хранил молчание.

<...> После обеда Фрост отдыхал; Адамс вместе с Сергеевым, одним из переводчиков Фроста, отправился в Кремль. В тот вечер мы посетили кафе по приглашению Евтушенко.

Это было кафе “Аэлита”. Оно находилось в Оружейном переулке рядом с площадью Маяковского, примыкающей к улице Горького. Кафе славилось импровизированными поэтическими вечерами, здесь Евтушенко читал полный текст “Бабьего Яра”. Когда кафе только открылось, в него, как я понял, пускали всех желающих, но времена изменились, и, вопреки рекламным обещаниям наших распорядительниц, это сказалось на публике. Теперь сюда можно было попасть только по комсомольской линии. Обстановка в кафе была чинной, и на улице никто в очереди не стоял.